

БЕСЕДА С ГАЛИНОЙ УМЫВАКИНОЙ

«КУЛЬТУРА – ЭТО ВОЗДУХ»

Уверена, в каждом населённом пункте России – даже самом маленьком, всего на несколько дворов – есть женщины, которые рифмуют свои чувства. При этом мест, где живут женщины-поэты, на Земле очень и очень мало. Воронежу повезло. В нём живёт поэт Галина Умывакина.

В свой юбилейный год выпускница филфака ВГУ, председатель воронежского отделения Союза российских писателей, автор нескольких поэтических книг, получивших читательское признание, согласилась ответить на несколько моих вопросов.

Галина Митрофановна, воронежцы связывают ваше имя исключительно с поэзией. Но, благодаря университету, есть ещё одна нерасторжимая связь вашей судьбы и нашего города. Вы – выпускница ВГУ. Спустя годы, как вы определяете роль, которую сыграл университет в вашей жизни? Вопрос не праздный. Потому что стать поэтом – это, в общем-то, особая судьба и не обязательно для этого какие-то университеты заканчивать. Мы помним историю Бродского, универсальная образованность которого сложилась без учёбы в вузе.

– В моей жизни университет занимал, конечно, большое место, особенно в молодые годы. Начнём с того, что я заканчивала математический класс 58-й школы (нынче гимназия Басова), притом была не хуже других. Но неожиданно для всех я выбрала филологический факультет. Для меня же это был осознанный выбор. Конечно, прежде всего потому, что я писала стихи. Ну, и в это время я была уже довольно начитанным человеком. Кроме того, на мой выбор повлиял Владислав Анатольевич Свительский. В 9-м классе он к нам пришёл на студенческую практику, заметил, вероятно, у меня какой-то интерес к слову, какие-то филологические способности, что-то предложил почитать, о чём-то поговорить... Вот за 9-й и 10-й классы я морально и сблизилась с ВГУ. По окончании школы выбора уже не стоя-

ло – только в университет, где, как мне сказали, и хорошие преподаватели, и учиться много поэтов, и литературная жизнь кипит, и творчество ценится...

Вступительные экзамены сдала на все пятёрки – без репетиторов, без блата. Я была хорошо подготовлена, поэтому и учиться мне было довольно легко. И даже предметы потяжелее, например, введение в языкознание или иные лингвистические курсы, где надо было многое учить наизусть и системно мыслить, не вызывали напряжения.

ВГУ – это мои любимые преподаватели, например, Владислав Петрович Скобелев. ВГУ – это знающие и колоритные профессора: Анатолий Михайлович Абрамов, Алла Борисовна Ботникова, Виктор Александрович Малкин. Все – личности, и все совершенно разные. Со своим стилем, со своей глубиной подачи материала, со своим эстетическим и идейным уклоном.

Что ещё тогда было интересного в университетской жизни? Не знаю, как это сейчас, но тогда преподаватели никогда не отталкивали студентов. Они приходили на наши литобъединения. Неожиданно приходили. На филфаковские посиделки и общеуниверситетские Дни поэзии. Интересными были научные кружки, работа над курсовыми. Я старалась выбирать то, что мне ближе. Например, писала работу по сценарию Беллы Ахмадулиной «Чистые пруды» по произведениям Юрия Нагибина.

Хотя меня держали за достаточно сильную студентку и требовали с меня многого, но как-то всё больше и больше места стали занимать в моей жизни стихи. Благо, что в университете была масса поэтов – то есть, действительно, был котёл, настоящий творческий, не графоманский. Разные поэты, и это как-то тоже подпитывало. Вот так я дожила до пятого курса, родив на четвёртом первую дочь. Я с этим тоже справилась. Одну из курсовых писала по «Носу» Гоголя, дипломную по повести Платонова «Джан». Это была первая дипломная работа в Воронежском университете, написанная по Платонову. Писала её под руководством Скобелева. Ну вот, пожалуй, так.

– *То есть главная значимость университетского прошлого для вас связана с возможностью общения с глубокими и интересными людьми?*

– Да, мне в каком-то смысле повезло – атмосфера была такая.

– *Удивительно, какой исследовательский выбор вы делали: Ахмадулина, Нагибин, Гоголь, Платонов... Это всё не просто очень серьёзная литература, но главным образом ещё не осмысленная или мало осмысленная в те годы. Важно, на каком материале ты формируешься, какие тексты овладевают твоим сознанием...*

– Конечно. И заслуга в том не только моя, но и учителей. Поэтому я уже к окончанию университета очень сблизилась с моим научным руководителем Владиславом Петровичем Скобелевым, бывала у

него дома. Также и с Аллой Борисовной... То есть это был уже другой круг общения, на который я перешла. Меня приняли в некое воронежское филологическое сообщество.

Что ещё?.. Сейчас меня немного беспокоит, что когда я захожу в библиотеку, вижу, что там немного пустовато. А мы очень много времени проводили в библиотеках – и в университетской, и в Никитинке. И как там работалось!

– *По много часов каждый день.*

– Да.

– *Мне это знакомо. Скажите, пожалуйста, а вот не было ощущения, что университет в нашем городе какое-то особое место занимает? Что он не просто учебное заведение, а именно некое культурное пространство? Или мне так кажется?*

– У меня такое ощущение было. И это шло ещё из школы. Я была в первом наборе математического класса. К нам приходили профессора ВГУ – и Красносельский, и Соболев, и Митягин, то есть цвет математики, как мы понимали, не только воронежской, а советской и даже мировой. Поэтому университет ещё в школе для меня звучал как что-то очень значительное. И без сомнения, город и университет были связаны. А Владислав Свительский добавил это ощущение, когда пришёл к нам на практику вести занятия. Симон Моисеевич Годник – наверное, у него были какие-то научные задачи и цели, когда он пришёл в школу и сказал: «Попробуем заняться литературным краеведением, издать литературную стенгазету»... И это тоже был человек из университета.

– *А сегодня положение университета в городе изменилось? Его по-прежнему воспринимают как источник культурной энергии?*

– Мне бы хотелось, чтобы он занимал по-прежнему такое же место. Я сейчас не берусь судить.

– *Есть ощущение включённости ВГУ в жизнь Воронежа?*

– Мне кажется, да. Мы читаем о разных конференциях, на какие-то из них я даже прихожу послушать. Какие-то внутриворонежские связи, международные контакты ВГУ... Но для меня не это главное. В годы моей учёбы университет ощущался как некий особый, отличный от школы, от улицы, от общества, от каких-то идеологических установок мир... Здесь царил дух свободомыслия. Всё-таки чувствовалось, что университет – это некий другой, приподнятый над идеологизированным пространством Воронежа духовный пласт. Тот же театр миниатюр, театр песни, дни поэзии... Студентов берегли. Если что – защищали от идеологических перекосов. Кого-то не удавалось сохранить, но в университете было – не

скажу что много – но несколько таких случаев. Диссидентствующие студенты, самиздат, студенческие кружки... Кого-то исключали, кого-то переводили на заочное – старались оставить студентами, не поломать жизнь. Потом, к нам приезжали из столицы учиться. Принимали таких, несколько даже странных людей – даже исключённых из московских вузов. Воронежский университет славился своей толерантностью по отношению к разным мнениям, национальностям, политическим убеждениям.

– **А в других вузах с этим были проблемы?**

– Такие проблемы были в Краснодаре, Ставрополе, Ростове – особенно вот южных городах. Да и в столицах они тоже были, конечно.

– **Удивительно складывается судьба: вы планировали заниматься наукой и не стали ей заниматься, но не перестали ей интересоваться. Вы и сейчас приходите в университет на конференции, регулярно пишете работы, посвящённые тем или иным воронежским авторам – Платонову, Мандельштаму... Поэту недостаточно быть только поэтом?**

– Ну, это тоже, наверное, университет. То есть настолько, видимо, меня хорошо выучили, воспитали... Вот и сейчас у меня в сумке два новых номера литературных журналов. В первую очередь я проглядываю стихи, а потом – отдел критики. Мне важно понимать, каков литературный процесс, какие книжки выходят, о ком пишут, о ком спорят. Ну и само собой, не только в современном, но и в историческом аспекте. Сейчас очень много мандельштамовских материалов – я их все с удовольствием прочитываю. У меня такая потребность. Я осталась филологом.

– **Выходит, для вас важен не только поэт, но критическое осмысление его творчества?**

– Конечно. Есть люди, которые в этом смысле глубже меня, дотошнее разбираются – и я очень радуюсь той подсказке, той руке, которая, когда я читаю, меня ведёт. И вдруг какое-то сложное стихотворение Мандельштама или язык его начинают иначе восприниматься. Несмотря на то что я стихи пишу и всё своё, казалось бы, ношу в себе, но всю жизнь филологический контекст мне зачем-то был нужен.

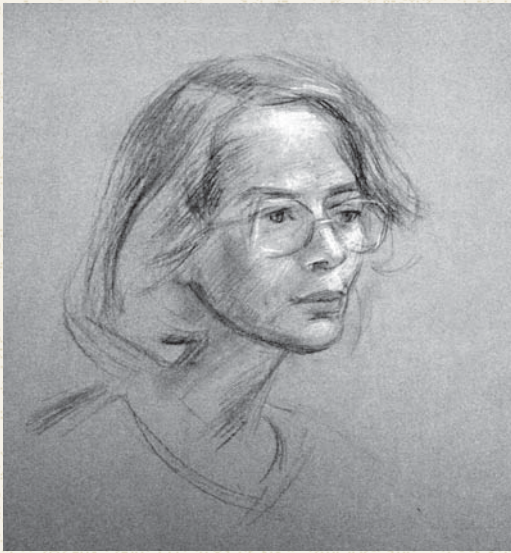
– **Галина Митрофановна, хочу поделиться своим ощущением. Кажется, в последнее время в Воронеже появилось поколение поэтов, творчество которых вызывает интерес у аудитории. Я не говорю, что это массовый интерес, как это было в 60-е годы – стадионы ценителей поэзии сегодня невозможно собрать. Но сам факт, что молодых поэтов хотят слушать, читать их сти-**

хи, мне кажется удивительным. После 10–15 лет общественного спада интереса к поэзии наблюдается некоторое оживление...

– Я с вами согласна, что был некий временной провал. Но дело ведь не в поэтах. Сейчас очень много авторов и очень много пишущих людей. Это с 90-х годов, конечно, началось. Я бы сказала, был выплеск – в журналах, книжки можно было за свой счёт издать, наконец, напечататься мог тот, кто по каким-то идеологическим причинам прежде не мог публиковаться. Но по отношению к поэзии был провал читательский. Если кто-то и привык читать, то скорее наверстывал упущенное, читая прозу, мемуары, которые тоже перепечатывались, из-за границы приходили либо из архивов... А сейчас – вы правы – интерес к слову. Пока звучащему. У нас ведь достаточно много площадок в Воронеже. Не только «Петровский». Стихи читают и в «Х.Л.А.Ме», и в Центре современного искусства, и в библиотеке Пушкина, и в Никитинской библиотеке... Действительно, народ приходит и слушает внимательно. И «Мандельштамфест» в Камерном театре проходил при полных залах.

– **Так в чём всё-таки причина?.. Что может сегодняшнему обществу сказать поэт?.. Когда книжка Веры Сафоновой печаталась в Издательском доме ВГУ и один сотрудник принёс эту книжку домой, то его дочка сказала – это моя любимая поэтесса. Вот если бы я об этом факте не**

Галина Умывакина. Рисунок К. Успенской

услышала, то не была бы уверена, что школьники знают молодых воронежских поэтов.

– Может быть, потому, что поэзия порой мгновенно доходит до души человека. Какой-то возникает эмоциональный контакт. Потом, если брать воронежских поэтов, у них есть нечто общее, свойственное их поколению. Это – Вера Сафонова, Мария Соколовская, Родион Прилепин, Лена Дудукина... Я бы так сказала, что появилась в поэзии некая социальность, которая прежде либо окольной была, либо не востребуемой...

– То есть они говорят об обществе...

– ...и о времени, о том, что молодёжи нужно. При этом говорят по-молодому дерзко, не всегда так, как говорят по телевизору. И для меня, например, это очень обнадеживающий факт. Потому что люди думают о чём-то, сопоставляют, и души у них открытые... Это очень радует.

Что меня печалит в этой связи: университет перестал быть современным местом поэзии. Мне кажется, что дело, конечно, в Днях поэзии, которые сегодня – совершенная рутинка.

– Надо просто и формат менять, и людей других приглашать, чтобы они оживили атмосферу.

– Совершенно верно. Надо предоставить возможность «задавать тон» молодым и талантливым поэтам, на которых ходит молодёжь. Среди таких, кстати, немало выпускников ВГУ.

– Да, и Антон Калашников, и Вера Сафонова... Можно найти и других университетских поэтов... Согласна с вами.

Галина Митрофановна, пространство воронежской культуры очень часто характеризуют как литературоцентричное. Считается, что мы

один из тех немногих российских городов, с которым связана жизнь выдающихся поэтов и писателей. И мы должны эти традиции продолжать, сохранять. Феномен «воронежского текста» сегодня изучают, исследуют... А что такое для Вас «воронежский текст»?

– В 60-е, 70-е годы сформировалось, а в начале 80-х годов укрепилось в литературной критике понятие «воронежская школа поэзии». Имелись в виду, конечно, прежде всего, Жигулин и Прасолов. То есть два довольно крупных поэта, которые вышли на российский уровень. Ну, и Олег Шевченко, Людмила Бахарева, Станислав Никулин, Виктор Поляков... В общем, был определённый взлёт поэзии, причастной к Воронежу. Да, между прочим, когда стала печататься в столице Елена Фанайлова – уже в 90-е годы – то первые же её публикации заметили, а в комментариях от редакции указывалось, что была вот такая «воронежская школа поэзии», и вот теперь Елена Фанайлова – представитель уже иной её волны. Ну, в общем-то, мне кажется, что и сейчас у нас есть очень достойные авторы, которые печатаются не только в Воронеже, но и в столицах.

Хотя, собственно, никогда в Воронеже поэтический процесс не прерывался. Слава Богу! В 80-е годы поэтическую волну подхватило литобъединение при Союзе писателей, которое я вела, и клуб «ЛиК», потом «Зинзивер», сейчас тоже новое поколение пришло, продолжает традиции по-своему... Но воронежский текст – это немножко другое. Это научное понятие, связанное именно с воронежской семантикой, с образом города. Не обязательно – визуальным, может быть, образ и литературный – обращение к Бунину или Платонову, Мандельштаму, Кольцову. Наш филологический факультет начал работу в этом направлении. Я даже в первой конференции принимала участие. И мне думается, что тема эта перспективная и её надо развивать. И есть о ком писать, кого исследовать... Тот же Валентин Нервин с его последним сборником «Воронежское время».

– Мне кажется, что любой поэт не может избежать соприкосновения с пространством и временем своей жизни.

– У некоторых авторов это отражение неявное. А у Нервина, конечно, очень много воронежских реалий – и географических, и погодных, и книжных, и гастрономических...

– И всё-таки литературный образ Воронежа – он какой?

– Город наш непростой. Без сомнения, он литературоцентричный. Даже тот факт, что у нас так много памятников писателям, об этом свидетельствует. Люди хотя бы знают их по памятникам, а если знают, то кому-то ещё подскажут... Каждо-

дневное зрительное напоминание: мемориальные доски, памятники, литературный музей, домик Никитина... Это очень важно. Может быть, в недалёком будущем появятся Бунинский музей и квартира Мандельштама... Я рада, что на моём веку многое изменилось, многое появилось.

Очень много культурных событий в нашем городе – каждый день что-то происходит: какая-то экскурсия пешая. Либо велосипедная. Разные литературные акции бывают. Где-то читают стихи, где-то слушают лекцию. Журнал выходит. По-разному можно относиться к «Подъёму» – у него есть достоинства, есть недостатки, но то, что журнал сохранили, – это очень важно. Ну, «Ямская слобода» тоже свою нишу занимает, так же, как и «Университетская площадь». И в этих изданиях везде воронежская тема. Я Валентина Нервина уже назвала. Недавно вышло очень интересное издание – визуальная и поэтическая «бродилка» по Воронежу с гравюрами Дениса Булавинцева и стихами Лены Дудукиной.

Но мне почему-то кажется, что в Воронеже это было всегда. Некий яркий культурный пласт – он может быть то глубже, то тоньше – но он был всегда ощущим. Иногда бывал с отрицательным оттенком, но тем не менее он был. И в то же время есть и нечувствительность, какая-то инертность по отношению к литературе. Хотелось бы большего количества людей, вовлечённых в эту культурную сферу.

У нас проходит много детских чтецких конкурсов.. То Кольцова, то Бунина читают, то Жигулина... Пять лет назад даже был конкурс «Воронеж читает Мандельштама», в нём 250 человек участвовало. Слушатели были поражены – прекрасно читали! Так что – спасибо нашим учителям. И библиотекарям. Я очень рада, что в Воронеже до сих пор литературные традиции сохраняются.

– *Да, сейчас город живёт активной культурной жизнью – сложно не заметить...*

– И выставки, и театры, и концерты, и фестивали...

– *Можно ли в этом случае сказать, что эти изменения в воронежской культуре достигаются усилиями отдельных людей, правильной культурной политикой, усилиями департамента, подержкой губернатора?*

– Несомненно. Поддержка ощущается. Некие идеи исходят от губернатора, другие из департамента культуры. И при участии культурного сообщества они воплощаются в жизнь.

Мне думается, что последние годы – при А.В. Гордееве, благодаря его инициативе – воронежская культура активно развивается. Понимаете, ведь дело ещё в том, что наш губернатор – книгоечей, он

Галина Умывакина на Дне поэзии ВГУ. 1960-е годы

любит читать – не только Платонова, но и других авторов. Он любит театр, посещает музеи и выставки.

– *Галина Митрофановна, а зачем губернатору надо так активно лично заниматься культурой? Понятно, если речь идёт о развитии агропромышленного комплекса или решении социальных проблем, а здесь вдруг – культура...*

– А просто он человек культурный. Культура – это воздух. Во всяком случае, для меня. Лиши, к примеру, меня возможности читать книжку, сходить в театр, на хорошую выставку, послушать музыку...

– *То есть люди, которые вот этого воздуха не имеют – они не смогут хорошо работать?*

– Я думаю, что Алексею Васильевичу лично нужны хорошие спектакли, ему хочется посмотреть хорошую выставку. Но и мы все тоже того же хотим.

– *А вот Союз писателей. Ведь есть разные мнения – зачем сейчас творческие союзы? Не являются ли они каким-то рудиментом прошлого? Зачем поэтов-писателей объединять?*

– Ну в каком-то смысле творческие союзы, конечно, являются рудиментами. Особенно Союзы писателей. Художникам нужен, наверное, Союз. Их искусство зрелищное, понятнее другим людям, чем писательская деятельность. Им нужен пленэр, творческие дачи, выставки... Нужно ли объединять писателей? Ну когда-то они не были объединены. Сначала – ещё в XIX веке – случился литературный фонд – для помощи «малоимущим, больным и пьющим» писателям. В начале XX века возникла масса литературных групп и течений. То есть творческих объединений. Символисты, акмеисты, имажинисты, обэриуты, конструктивисты, футуристы... В условиях революционного сдвига, когда рушилась одна

жизнь и возникла другая, рождалась и надежда на новое время. Люди стали «кучковаться». Скорее, по эстетическим признакам. Потом более крупные возникли объединения, к примеру, РАППовцы... И так до 1934 года. С одной стороны, сами писатели дали пример, что они хотят объединяться. С другой стороны, этот процесс был бесконтрольным: много разных, за всеми не уследишь. Надо объединить и посулить блага: пенсии, гонорары, творческие дачи, писательский кооператив...

– И такая зависимость от Союза сокращала творческую свободу.

– Бывало и так. Хотя и в этих ситуациях оставались люди независимые, но... Материальная вещь ведь – очень сильная приманка: и о старости надо подумать – чтобы пенсия была, чтобы не перестали печатать, не лишили гонорара... Так что этот орган, конечно, был во многом подавляющим, выстраивающим писателей в колонну. А сейчас зачем это нужно?.. Посмотрим, может и нужно будет. Но когда случились 90-е годы, жизнь перевернулась полностью – другая страна, другие законы... Поэтому, естественно, произошло разделение писателей, прежде всего, тех, кто ещё вчера был единым Союзом писателей СССР. Потому что там были разные люди, и вот по эстетическому, идеологическому признаку пришлось разойтись. А с другой стороны, это же ведь в традициях русской литературы – западники, славянофилы... Вот и сейчас существуют разные писательские сообщества, хотя мы не имеем ни гонораров, ни помощи Литфонда, ни пенсионного обеспечения, ни больничных, ни домов творчества... Всё-таки человеку важно жить и знать, что ты не один.

– То есть писателю необходим диалог?

– Конечно. И пусть в Воронеже нас всего 27 человек в Союзе российских писателей, и, может быть, мы не так часто встречаемся, как надо было, но мы поддерживаем друг друга, понимаем и разделяем какие-то вещи – и эстетические, и идеологические. Хотя у нас тоже споры бывают, у людей разные мнения, но, во всяком случае, это такой дружественный круг.

– Галина Митрофановна, а вот если бы у вас была возможность что-то изменить, кого-то пригласить в город, что бы вы сделали?

– Слава богу, люди к нам приезжают в гости. Разные люди – и актёры, и музыканты, и кинодеятели, и литераторы. Некоторые – на какое-то время, некоторые – на один день. Существует общение, такое важное для города. Иногда очень важное, например, приезд Александра Сокурова. Или когда приезжает Дмитрий Быков – человек с полемическими взглядами. И он близок мне и независимостью, и

свободомыслием, и своей равновесностью. Некоторые считают, что Быков – это такой таран либеральный, нет, это очень вдумчивый человек, не теряющий надежду.

Что меня, как потребителя культуры, сейчас в нашем городе болезненно задевает? Это балет и, может быть, хореографическое училище. Вот если бы губернатором была я, то я бы занялась хореографическим училищем. Новое помещение для занятий, улучшение условий общежития, чтобы могли жить нормально ребяташки... Потому что балет – это очень современное, очень перспективное искусство, которое развивается сейчас громадными скачками. Пластика – прекрасная альтернатива реальности, перегруженной словами. Мы столько всего наговорили, такую обильную информацию в себе несём, не только важную: из книжек, из научных статей, с чем мы живём, радуемся и работаем, то есть профессионально её перевариваем, – но ведь ещё есть телевизор, есть Интернет... И вполне естественно, что мы немножко перегрузились словами.

Вот почему сегодня даже драматические театры переходят на язык пластики. Скажем, театр Вахтангова и его «Анна Каренина». Или постановка «Идиота» – без слов. Это балет. Это музыка, которая очень нужна человеку, особенно во времена сложные, которые мы переживаем. Время кризиса не только экономического, но и какого-то... может даже интеллектуального, духовного. Потому что – тревога. Тревога просто из-за реальной жизни. Мы начали с культуры, но ведь когда книжка стоит больших денег, и, когда ты идёшь в магазин за хлебом насущным, ты понимаешь, что тебе не хватает этих денег... А музыка – она врачует всё-таки лучше всего. Помимо поэзии, конечно.

– А вот как сделать так, чтобы наша молодёжь выходила из стен университета с хорошей культурной базой, чтобы она испытывала потребность в развитии культурной среды? Что ж для этого нужно?

– Не знаю... Мне кажется, сейчас многое делается. У нас вот и факультет культурологии даже есть. И на филфаке такие интересные специальности – издательское дело, искусство и гуманитарные науки... Ну, к сожалению, есть люди, которым это не нужно. И надо это признать. Мы говорим – «не хлебом единым»... Но я не знаю, сколько процентов населения – 10 или около того – нуждается в плодах культуры, чтении, музыке...

– То есть культура элитарна?

– Я не люблю слово «элитарна». Она просто не всем даётся.

Беседовала Тамара Дьякова